

EDN: JPTDAB

Дата поступления статьи: 09.01.2025

Дата поступления рецензии: 12.02.2025

Дата принятия статьи к публикации: 12.08.2025

Альтернативные *lex rei sitae* способы регулирования трансфера права собственности в международном частном праве

Олейников М. А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

E-mail: maoleynokov@hse.ru

Аннотация

Введение. Господствующим способом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи по международным сделкам является коллизионная привязка *lex rei sitae*. Однако ее использование в условиях мобильного конфликта неэффективно. Автономия воли в вопросах трансфера вещных прав представляет собой весьма дискуссионный инструмент.

Методология и материалы. Целью статьи является оценка потенциала альтернативных *lex rei sitae* коллизионных привязок в качестве способов определения вещного статута, а также рассмотрение подходов, основанных на отходе от регулирования трансфера права собственности на движимую вещь по международным сделкам в пользу регулирования риска ее случайной гибели. Методологическую основу исследования составляют аналитический метод, а также такие специально-юридические методы, как историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический. В ходе исследования рассмотрены работы зарубежных авторов, как из стран общего права, так и из континентального, а также работы отечественных авторов.

Результаты исследования и их обсуждение. Личный закон собственника вещи нельзя признать эффективным способом определения вещного статута, так как само понятие «личный закон» понимается в различных юрисдикциях по-разному. Закон места совершения сделки не соответствует современным реалиям, а также создает обширное пространство для злоупотреблений со стороны недобросовестных участников оборота. Переход риска случайной гибели может являться эффективным инструментом регулирования международных сделок, связанных с приобретением движимых вещей, однако круг подобных ситуаций существенно ограничен.

Выводы. В статье резюмируется, что ни один из рассмотренных в статье способов регулирования трансфера права собственности не является эффективным решением. Следовательно, необходимо искать альтернативные варианты, например, внедрять вещно-правовую автономию воли. Вместе с тем автор признает, что указанное решение является сложным и его внедрение требует усилий.

Ключевые слова: международные сделки, трансфер права собственности, мобильный конфликт, коллизионное регулирование, личный закон собственника, закон места совершения сделки, риск случайной гибели.

Для цитирования: Олейников М. А. Альтернативные *lex rei sitae* способы регулирования трансфера права собственности в международном частном праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 4 (26). С. 157–168. EDN: JPTDAB

Alternative to *Lex Rei Sitae* Means of Regulating the Transfer of Property Rights in Private International Law

Oleynikov M. A.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
E-mail: maoleynokov@hse.ru

Abstract

Introduction. The dominant way to regulate the transfer of ownership on movable property in international transactions is the *lex rei sitae*. However, the use of this connecting factor in conditions of mobile conflict is ineffective. Party autonomy in the real property law is a very controversial tool.

Methodology and materials. The purpose of the article is to assess the potential of alternative to *lex rei sitae* ways to define a real statute, as well as to consider approaches based on moving away from regulating the transfer of ownership on movables in international transactions in favor of regulating the risk of its accidental death. The methodological basis of the research is the analytical method, as well as special legal methods such as historical-legal, comparative-legal, formal legal. The research examines the works of foreign authors, both from common law and continental countries, as well as the works of domestic authors.

Results of the research and their discussion. The personal law of the owner cannot be recognized as an effective way to define a real statute due to the concept of "personal law" is understood differently in different jurisdictions. The law of the place of transaction does not correspond to modern realities, and also creates a vast space for abuse by unfair parties. The risk of accidental death can be an effective tool for regulating international transactions related to the acquisition of movables, however the range of such situations is significantly limited.

Conclusion. In conclusion, the article summarizes that none of the methods of regulating the transfer of ownership discussed in the article is an effective solution. Consequently, it is necessary to look for alternative options, for example, to introduce the substantive and legal autonomy of the will. However, the author acknowledges that this solution is complex and its implementation requires effort.

Keywords: international transactions; transfer of ownership; conflict mobile; conflict of laws regulation; personal law of owner; law of the place of transaction; risk of accidental loss.

For citation: Oleynikov, M. A. Alternative to *Lex Rei Sitae* Means of Regulating the Transfer of Property Rights in Private International Law. *Theoretical and Applied Law*. No. 4 (26). Pp. 157–168. (In Russ.)

Введение

Право собственности имеет основополагающее значение в правопорядке любого государства. Приобретение права собственности предопределяет возникновение у лица целого комплекса прав и обязанностей, лежащих как в области частного, так и публичного права. В связи с этим национальные правопорядки уделяют значительное внимание регулированию момента возникновения и прекращения этого права. Сделки по трансферу права собственности, совершаемые в рамках конкретного национального правопорядка и по его нормам, не сталкиваются с существенными трудностями при их реализации.

При совершении международных сделок, связанных с трансфером права собственности на движимые вещи, ситуация коренным образом меняется, так как при перемещении вещи через границу несколько национальных правопорядков начинают претендовать на регулирование вопросов переноса

права собственности. В целях определения вещного статута, включающего вопросы порядка возникновения и прекращения права собственности, используется коллизионная привязка *lex rei sitae*. По мнению Ю. Базедова, рассматриваемая коллизионная привязка является наиболее распространенным в современном мире способом регулирования частноправовых отношений, связанных с вещными правами¹.

Вместе с тем в некоторых случаях *lex rei sitae* не является эффективным средством разрешения вопросов трансфера права собственности по международным сделкам. Как отмечает Р. Сакко, национальные правопорядки могут требовать различные юридические составы для трансфера права собственности. В каких-то правопорядках для такого трансфера достаточно одного элемента, например факта заключения соглашения. В других, напротив, для перехода титула сторонам требуется юридический состав в виде заключения соглашения и передачи вещи². Следовательно, при перемещении вещи из национального правопорядка, требующего более сложный юридический состав, в национальный правопорядок, который выставляет меньше требований для признания трансфера состоявшимся, использование коллизионной привязки *lex rei sitae* приводит к тому, что собственником вещи будет признаваться другое лицо.

Унифицированное материальное регулирование трансфера права собственности на международном уровне до настоящего момента не создано, а его потенциальное создание представляется чрезвычайно затруднительным. В качестве исключения следует выделить Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. (далее — ОУП СЭВ), предметом регулирования которых были вопросы перехода права собственности на движимые вещи. Вместе с тем после прекращения деятельности СЭВ в 1991 г. указанный документ фактически не используется.

Одним из вариантов преодоления проблематики коллизионной привязки *lex rei sitae* в современной доктрине предлагается использование автономии воли в вещном праве. Эта идея сводится к тому, что стороны международной сделки вправе своим соглашением выбрать правопорядок, который будет регулировать момент возникновения и прекращения права собственности.

Вместе с тем признание допустимости автономии воли в регулировании указанных элементов вещного статута предопределяет возникновение целого комплекса вопросов. Центральной проблемой является действие выбранного сторонами права, применимого к трансферу права собственности, против третьих лиц. Европейские исследователи занимают крайне жесткую позицию, которая сводится к тому, что обсуждение автономии воли в вещном праве не имеет какого-либо смысла без решения вопроса о ее действии в отношении третьих лиц³. В современной российской доктрине вопрос допустимости автономии воли в вещном праве также обсуждается. Например, в своем диссертационном исследовании Т. С. Любарская высказывает позицию, согласно которой выбранное сторонами право в ряде случаев может иметь эффект против третьих лиц⁴. Однако предложенное решение не является универсальным и оставляет обширное пространство для дискуссии.

Более того, даже не принимая во внимание теоретические проблемы автономии воли в вещном праве, следует признать тот факт, что ее допущение в принципе не является широко распространенным решением. Круг правопорядков, в которых оно закреплено и используется, весьма узок. В качестве примера государств, где автономия воли в вопросах трансфера вещных прав признается на нормативном уровне, можно привести Швейцарию, Россию, Китайскую Народную Республику, Бахрейн, однако указанный перечень не является исчерпывающим. Таким образом, автономия воли в настоящий момент не может претендовать на роль универсального инструмента регулирования вопросов возникновения и прекращения права собственности на движимость.

Целесообразно изучить альтернативные способы регулирования переноса права собственности по международным сделкам. Эти способы следует разделить на две группы. Во-первых, необходимо

¹ См.: Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер. с англ. Ю. М. Юмашева. М.: Норма, 2022. С. 54.

² См.: Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права. М., 2008. С. 163–164.

³ См.: Van der Weide J. Party Autonomy in Dutch International Property Law // Party Autonomy in International Property Law / Westrik R., Van der Weide J. (ed.). Munich, 2011. Р. 55.

⁴ См.: Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020. EDN: NSLNAА

проанализировать альтернативные *lex rei sitae* коллизионные привязки, которые могут использоваться для определения вещного статута, регулирующего трансфер права собственности на движимые вещи, например, личный закон или место совершения сделки. Во-вторых, следует рассмотреть решения, предполагающие отход от регулирования трансфера права собственности в пользу детальной регламентации вопросов перехода риска гибели движимой вещи и исполнения обязанности по передаче вещи. В качестве примера можно привести Конвенцию Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (далее — Венская конвенция 1980 г.), а также правила Incoterms.

Методология и материалы

Целью статьи является оценка потенциала альтернативных *lex rei sitae* коллизионных привязок в качестве способов определения вещного статута, а также рассмотрение подходов, основанных на отходе от регулирования трансфера права собственности на движимую вещь по международным сделкам в пользу регулирования риска ее случайной гибели.

В исследовании использован аналитический метод, который необходим для выявления системно-значимых связей и закономерностей исследуемых явлений. Специально-юридические методы также были использованы в ходе проведения настоящего исследования. Одним из них является историко-правовой метод, использование которого связано с тем, что в статье рассматриваются подходы к регулированию трансфера права собственности в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод тоже является одним из основных методов, использованных в настоящей работе, так как в исследовании анализируются подходы к регулированию трансфера права собственности на примере различных правопорядков, а также выявляются сильные и слабые стороны каждого из подходов. Формально-юридический метод позволил исследовать положения юридических документов, логически их осмысливать и интерпретировать в контексте настоящего исследования.

Основную часть источников исследования составляет исследовательская литература. Рассмотрен обширный круг доктринальных источников, включающий в себя работы как отечественных, так и зарубежных исследователей из стран общего и континентального права, а также работы отечественных авторов. Нормативно-правовые акты и иные акты были проанализированы в целях изучения практической реализации доктринальных положений.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Личный закон как способ определения вещного статута

Одним из старейших вариантов регулирования вещного статута движимой вещи коллизионным методом является его определение на основе личного закона ее собственника. Как указывает М. Вольф, подход «собственность следует за лицом» был разработан в Средние века итальянскими статуариями, а также последователями данной школы в других европейских правопорядках⁵. Впоследствии произошел отказ от определения вещного статута движимой вещи на основе личного закона собственника в пользу коллизионной привязки *lex rei sitae*. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать причины того, почему личный закон собственника не смог стать эффективным средством регулирования вопросов трансфера права собственности на движимые вещи.

Первая проблема личного закона как инструмента регулирования трансфера права собственности состоит в том, что подходы различных правопорядков к определению личного закона существенным образом отличаются. Одним из вариантов является определение личного закона в соответствии с гражданством физического лица. Такой подход используется в соответствующих положениях ГК РФ⁶, в ме-

⁵ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 540.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

ждународном частном праве подавляющего числа стран СНГ, а также в некоторых европейских государствах, например, в Венгрии, Германии и Нидерландах⁷.

В качестве альтернативного варианта определения личного закона предлагается принцип «домициля», то есть места постоянного проживания лица. Такой подход используется как в правопорядках, относящихся к системе общего права, так и в целом ряде других правопорядков, например, в Китае, Швейцарии, Корейской Народной Демократической Республике⁸. В англо-американской литературе обращают внимание также и на тот факт, что само понятие «домициля» в системе общего права и континентальной правовой семьи отличается⁹. Следовательно, использование такого подхода требует изучения регулирования личного закона в конкретном правопорядке, а иногда даже и юридической доктрины.

Еще более затруднительным представляется использование личного закона в трансграничных коммерческих отношениях. Это связано с тем, что существует целый ряд подходов к определению личного закона юридического лица. Классическим подходом является теория инкорпорации, однако существуют и иные теории, такие как теория контроля, теория места деятельности, теория оседлости. В настоящий момент все указанные подходы находят свое отражение в законодательствах тех или иных государств.

Таким образом, личный закон не может быть признан эффективным способом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи. В различных правопорядках конкретные коллизионные привязки, в соответствии с которыми определяется личный закон, отличаются друг от друга. Более того, сложности добавляет также и необходимость решения интерперсональных коллизий. Это приводит к тому, что определение вещного статута движимой вещи становится мало предсказуемым, так как метод его определения варьируется, а следовательно, требует изучения регулирования каждого конкретного правопорядка. Эта проблема актуальна как для сторон сделки, так и для третьих лиц.

Идея «всё свое ношу с собой», лежащая в основе регулирования трансфера права собственности на движимое имущество, по замечанию М. Вольфа, не отражает реального положения дел¹⁰. Такая формула прикрепления была актуальна в древности, когда люди перемещали всё свое личное имущество вместе с собой. В современном мире имущество лица, как правило, находится в разных юрисдикциях.

От использования личного закона в качестве способа определения правопорядка, регулирующего трансфер права собственности по сделкам, отказались и правопорядки системы общего права, которые последовательно поддерживали его существенно дольше, чем континентальные правопорядки¹¹. Например, в США одним из основополагающих документов, содержащих коллизионное регулирование, является Второй свод законов о конфликте законов (далее — Restatement II). Restatement II не является нормативно-правовым актом, однако представляет собой один из самых авторитетных и актуальных актов мягкого права, который зачастую используется судами наравне с законом.

В соответствии с положениями Restatement II право, регулирующее трансфер права собственности для сторон, определяется условиями конкретной ситуации и устанавливается в соответствии с принципом наиболее тесной связи, если оно не выбрано сторонами. Однако большее значение придается месту нахождения вещи. В отношении третьих лиц трансфер права собственности на движимые вещи осуществляется по праву, которое было бы применено судом штата, где имущество находилось в момент осуществления такого трансфера¹². Таким образом, Restatement II последовательно проводит коллизионную привязку *lex rei sitae*. С. Симеонидис (S. Symeonides) отмечает, что Restatement II несколько смягчил положения Restatement I, который еще жестче проводил подход, основанный на праве места нахождения вещи¹³.

⁷ См.: Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / Сост. и ред. В. В. Плеханов. М.: Статут, 2021. С. 206, 268–269, 542–546.

⁸ Там же. С. 391, 697, 1019.

⁹ См.: Baxter I. F. G. Conflicts of Law and Property // McGill Law Journal. 1964. Vol. 10. No. 1. Pp. 11–12.

¹⁰ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 543.

¹¹ Там же. С. 541.

¹² American Law Institute. Restatement of the Law: Second: Conflict of Laws, 2d. American Law Institute Publishers, 1971.

¹³ См.: Symeonides S. Choice of law. New York, 2016. P. 584.

Вместе с тем следует признать, что в ряде случаев личный закон может быть эффективным средством регулирования трансфера прав на движимое имущество. М. Вольф, рассматривая эволюцию английского права, указывает на то, что, например, вопросы универсального правопреемства продолжали регулироваться личным законом собственника, несмотря на отход английского права в пользу *lex rei sitae* при регулировании трансфера права по сделкам¹⁴. Указанный подход сохраняется до настоящего момента в подавляющем числе правопорядков. В качестве примера можно привести положения статьи 1224 ГК РФ, которые устанавливают, что отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства¹⁵. Однако некоторые правопорядки признают допустимость автономии воли в рассматриваемом случае. Наиболее яркий пример — положения швейцарского законодательства¹⁶. Таким образом, в случае, когда имеет место трансфер права собственности на целый ряд движимых вещей, которые могут быть расположены в разных юрисдикциях, целесообразно регулировать его личным законом, что позволит использовать один правопорядок.

2. Место совершения сделки как способ определения вещного статута

В качестве еще одного варианта определения вещного статута коллизионным методом выступает коллизионная привязка права места совершения сделки. На первый взгляд, подобное решение обеспечивает куда большую предсказуемость регулирования рассматриваемого вопроса, чем *lex rei sitae*, так как место совершения уже заключенной сделки не может измениться, а также позволяет обойти проблемы, рассмотренные в ходе анализа *lex personalis* как способа определения вещного статута.

Детализированное регулирование вещного статута в части трансфера права собственности по трансграничным сделкам впервые появилось в советском праве в 1977 г., когда были внесены соответствующие изменения в Основы гражданского законодательства СССР 1961 г. (далее — Основы 1961 г.)¹⁷. В соответствии с положениями статьи 126 Основ 1961 г. трансфер права собственности на вещь по внешнеторговой сделке осуществлялся по праву места ее совершения. Аналогичные положения содержали и Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (далее — Основы 1991 г.)¹⁸. Таким образом, положения указанных нормативно-правовых актов являлись в некотором роде уникальными, так как критерий, положенный в основу коллизионной привязки, не был типичным.

Однако, несмотря на некоторую уникальность регулирования, установленного Основами 1961 г. и Основами 1991 г., его следует оценить критически. А. В. Асосков указывает, что в условиях усложнения торгового оборота на международном уровне место совершения сделки приобретает случайный характер. В качестве примера приводится заключение международной сделки в транзитном зале аэропорта, а также различия в подходах к признанию договора заключенным в системе общего и континентального права¹⁹. Следовательно, место совершения сделки не отражает какой-либо реальной связи частноправового отношения с тем или иным правопорядком.

Коллизионная привязка права места совершения сделки представляется спорным решением и при его анализе через призму обеспечения защиты интересов третьих лиц. Проблема может потенциально возникнуть даже в том случае, если стороны сделки, предполагающей трансфер права собственности на движимую вещь, не стремились каким-либо образом причинить вред третьим лицам. Это обусловлено тем, что для определения момента перехода права собственности третьи лица должны достоверно знать место, где была совершена сделка. Однако лица, не являющиеся участниками сделки, такой информацией, как правило, не обладают. В современных условиях развития телекоммуникационных средств связи

¹⁴ См.: Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 542.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

¹⁶ См.: Плеханов В. В. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций. М., 2021. С. 1032.

¹⁷ Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (в ред. от 05.06.1977) // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77678612/paragraph/10887:4> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁸ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/3961641/paragraph/81301:3> (дата обращения: 05.10.2024).

¹⁹ См.: Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств [Электронное издание]. М., 2012. С. 356–359. EDN: SDTYBT

сделки совершаются без физического присутствия их участников²⁰. Таким образом, третьи лица лишены возможности объективно установить такое место.

В том случае, если сделка, предполагающая трансфер права собственности на движимую вещь, целинаправленно совершается сторонами с намерением причинить ущерб третьим лицам (например, как можно скорее перенести право собственности на вещь, чтобы лишить кредиторов возможности обратить на нее взыскание), то рассматриваемая коллизионная привязка демонстрирует крайнюю неэффективность. Сторонам сделки достаточно заключить ее на территории того государства, чей правопорядок отвечает их целям. Следовательно, коллизионная привязка места совершения сделки, с одной стороны, не препятствует злоупотреблениям, за которые критикуется автономия воли в вещном праве²¹, а с другой — ограничивает автономию воли сторон.

Более того, регулирование перехода права собственности на движимые вещи по праву места совершения сделки, являющейся основанием к соответствующему трансферу, даже в период действия Основ 1961 г. и Основ 1991 г. не являлось универсальным решением. Это связано с тем, что сфера применения указанных нормативно-правовых актов на практике была существенно уже, чем это может показаться на первый взгляд.

Центральным документом, регулирующим трансграничные сделки, в советский период были ОУП СЭВ. Опыт торгового взаимодействия в советский период свидетельствует о том, что значительное число трансграничных коммерческих операций осуществлялось именно между государствами-членами СЭВ. ОУП СЭВ регулировали в том числе и вопросы возникновения права собственности, перехода риска применительно к разным способам поставки товара²². С учетом наличия столь подробного материально-правового регулирования момента возникновения права собственности использование рассматриваемых коллизионных норм Основ 1961 г. и Основ 1991 г. просто не требовалось.

Законодательства государств на постсоветском пространстве отошли от использования коллизионной привязки права места совершения сделки, являющейся основанием к соответствующему трансферу, в пользу других коллизионных привязок, например, права места нахождения имущества или права, применимого к сделке. В национальных законодательствах подход, установленный Основами 1961 г. и Основами 1991 г., сохраняется только в Гражданском кодексе Республики Беларусь²³.

Однако критикуемое решение можно обнаружить в некоторых международных документах, например, в п. 4 ст. 38 Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам²⁴. С учетом того, что Минская конвенция была принята в 1993 г., сохранение критерия права места совершения сделки в целях определения момента возникновения права собственности на движимые вещи явилось некоторой инерцией советского регулирования. К настоящему моменту Минская конвенция 1993 г. прекратила свое действие между участниками Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. Однако положения п. 4 ст. 41 Кишиневской конвенции 2002 г. сохраняют места совершения сделки в качестве критерия для выбора правопорядка, регулирующего вопросы трансфера права собственности²⁵. Вместе с тем новых актов, использующих критерий права места совершения сделки, не появляется, а данный подход уходит в прошлое.

²⁰ См.: Годунов В. Н., Мещанова М. В. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования // Частное право в странах бывшего ССР: итоги 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2022. С. 182.

²¹ См.: Плеханов В. В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008. EDN: NQINV

²² Общие условия поставок товаров между организациями стран-членов СЭВ 1968/1988 гг. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868676> (дата обращения: 07.10.2024).

²³ Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 13.10.2024).

²⁴ Минская Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900189> (дата обращения: 13.10.2024).

²⁵ Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 12.11.2024).

Таким образом, место совершения сделки не является адекватной заменой *lex rei sitae*. Использование подобного решения представляется спорным на теоретическом уровне, так как предполагает использование правопорядка, не имеющего какого-либо отношения к трансферу права собственности, а также порождает целый комплекс вопросов, требующих решения.

3. Регулирование риска случайной гибели движимой вещи как альтернатива регулированию трансфера права собственности в международных сделках

Целый ряд документов, регулирующих международные сделки, связанные с трансфером права собственности на движимые вещи, отражает полный отказ от регулирования трансфера права собственности в пользу детального регулирования вопросов перехода риска. Такой подход нашел свое отражение в Венской конвенции 1980 г., а также правилах Incoterms.

В римском праве риск случайной гибели вещи переходил на ее покупателя с момента заключения между продавцом и покупателем договора купли-продажи²⁶. Следствием подобного решения являлось то, что обязанность покупателя по оплате покупной цены сохранялась и в случае гибели приобретаемой вещи. В связи с тем, что подобное решение не обеспечивало баланс интересов сторон, европейские правопорядки в ходе своего развития поставили переход риска случайной гибели вещи в зависимость от момента трансфера права собственности²⁷. В качестве примера можно привести ст. 1138 Французского гражданского кодекса (далее — ФГК). В соответствии с указанной статьей ФГК риск случайной гибели вещи переходит на покупателя при передаче вещи, которая, в свою очередь, презюмируется состоявшейся в момент заключения договора купли-продажи²⁸. Германское гражданское уложение (далее — ГУ) в § 446 также предусматривает переход риска случайной гибели вещи на покупателя с момента ее передачи²⁹, которая, по германскому праву, наряду с обязательственной сделкой и вещным договором входит в юридический состав, необходимый для возникновения права собственности, и является его завершающим элементом.

В условиях обусловленности перехода риска случайной гибели вещи трансфером права собственности на нее возникает вопрос, каким образом регулирование перехода риска может являться альтернативой регулированию трансфера права собственности в международных сделках. Реализация такого подхода требует исключения зависимости перехода риска от трансфера права собственности.

Д. В. Дождев указывает на то, что риск случайной гибели должен переходить не в момент перехода права собственности, а в соответствии с синаллагматической структурой установленного между сторонами обязательства³⁰. В качестве примера приводятся положения ст. 458 и 459 ГК РФ, в соответствии с которыми указанный риск переходит с момента исполнения продавцом обязанности по предоставлению приобретенной покупателем вещи. Например, сторонами может быть согласовано, что указанная обязанность исполняется, когда товар подготовлен к передаче и индивидуализирован на складе продавца. В этом случае риск переходит на покупателя вне зависимости от того, что передача вещи не состоялась.

Синаллага́ма представляет собой инструмент обеспечения равенства встречных предоставлений сторон в рамках обязательственных отношений³¹. В описанном выше случае обязательство по предоставлению вещи исполняется в оговоренный сторонами момент, а именно в момент подготовки вещи к передаче на складе продавца. Таким образом, переход риска случайной гибели вещи обусловлен не моментом трансфера права собственности на нее либо ее передачей, а фактом исполнения продавцом обязательств, предусмотренных соглашением.

²⁶ См.: Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Сколовского / Сост. М. А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 104.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Code Napoleon 1804. The Civil Code Index. URL: https://www.napoleon-series.org/research/government/code/book3/c_title03.html#section2a (дата обращения: 22.11.2024).

²⁹ Bürgerliches Gesetzbuch. Bundesamt für Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

³⁰ См.: Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Сколовского / Сост. М. А. Ерохова. М., 2015. С. 160.

³¹ См.: Кнельц А. М. Синаллага́ма в договоре и обязательства: сборник работ выпускников РШЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ: в 2 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М., 2018. С. 203.

В предмет регулирования Венской конвенции 1980 г., являющейся основным международным нормативным актом в области международной поставки товаров, входят вопросы перехода риска случайной гибели вещи. В качестве одной из ее принципиальных особенностей М. А. Церковников выделяет тот факт, что момент перехода риска случайной гибели не связан с трансфером права собственности³². С учетом взаимообусловленности этих вопросов, характерных для правопорядков романо-германской семьи, отказ Венской конвенции 1980 г. от регулирования момента перехода права собственности подтверждает доводы М. А. Церковникова. Положения ст. 67–69 указанной Конвенции регулируют проблематику перехода риска случайной гибели вещи путем описания конкретных ситуаций с учетом того, каким образом были сформулированы обязательства между сторонами³³. Венская конвенция 1980 г. является весьма успешной попыткой построения регулирования момента перехода риска случайной гибели вещи в соответствии с синаллагматической структурой, принятой на международном уровне.

Отдельное внимание необходимо обратить также и на положения свода торговых обычаяев Incoterms — «настольной книги» участников международных сделок, связанных с поставкой товаров. Вопросы определения момента исполнения обязательств и момента перехода риска являются центральным аспектом правил Incoterms (International Commercial Terms). В соответствии с положениями правил Incoterms указанные моменты определяются сторонами в зависимости от выбранного базиса поставки и вообще не связаны каким-либо образом друг с другом, а следовательно, могут иметь место в различное время³⁴. Таким образом, правила Incoterms более последовательно продвигают идею о том, что переход риска случайной гибели вещи обусловлен исключительно фактом исполнения продавцом обязательств в соответствии с достигнутым соглашением сторон.

Однако вопрос момента перехода риска случайной гибели вещи по международным сделкам принципиально не имеет какого-либо значения для третьих лиц. Их интерес, как правило, состоит в обращении взыскания на вещь для удовлетворения своих требований к покупателю или продавцу вещи. В этой ситуации определяющее значение имеет тот факт, кому принадлежит указанная вещь по праву собственности. Следовательно, в контексте интересов третьих лиц каким-либо образом обойти необходимость регулирования проблематики трансфера права собственности в международных сделках не представляется возможным.

Более того, через призму отношений сторон сделки распределение риска случайной гибели вещи является эффективным решением только в ситуациях, когда вещь погибла или была повреждена в силу каких-либо внешних факторов, то есть у продавца изначально не было намерения совершать недобросовестные действия. В противном случае вопрос того, на ком лежит риск случайной гибели вещи, теряет всяческий смысл. Например, до момента трансфера права собственности продавец может установить какое-либо обременение на вещь, что, безусловно, будет затрагивать интересы покупателя. В этом случае снова возникает необходимость определения момента трансфера права собственности.

Таким образом, регулирование риска случайной гибели движимой вещи не является универсальной альтернативой регулированию трансфера права собственности в международных сделках. Рассматриваемое решение эффективно лишь в ограниченном числе ситуаций.

Выводы

В заключение необходимо отметить, что такие способы выбора правопорядка, определяющего вещный статут, который регулирует, в том числе, и трансфер права собственности, как личный закон собственника вещи и место совершения сделки, не могут выступать в качестве адекватной альтернативы

³² См.: Церковников М. А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102–141.

³³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // United Nations Commission on International Trade Law. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 02.10.2024).

³⁴ Incoterms® 2020. ICC rules for the use of domestic and International trade terms. ICC Publication No. 723E. ICC Services Publications Department 33-43 avenue du President Wilson 75116 Paris, France, 2019.

коллизионной привязки *lex rei sitae*. Выявленные в рамках настоящей статьи недостатки перевешивают потенциальные преимущества каждого из указанных выше способов.

Регулирование вопросов трансфера права собственности в соответствии с личным законом собственника вещи не является эффективным решением, так как коллизионные привязки, реализующие его в законодательствах различных государств, отличаются. Более того, даже в том случае, когда рассматриваемый вопрос регулируется в различных правопорядках одной коллизионной привязкой, ее понимание может быть отличным. Следовательно, использование личного закона не позволяет обеспечить необходимый уровень единобразия в регулировании и при использовании на практике требует глубокого изучения подхода каждого правопорядка. Личный закон как формула прикрепления, регулирующая вопросы трансфера вещных прав, не прошла проверку временем. Об этом свидетельствует эволюция ряда правопорядков, рассмотренных в рамках настоящей статьи.

Определение момента перехода права собственности в соответствии с правом места совершения сделки представляется устаревшим решением, так как не отвечает современным реалиям и возможностям заключения сделок без фактического присутствия сторон в одной юрисдикции. Это приводит к тому, что использование рассматриваемой коллизионной привязки теряет какой-либо смысл, так как она не отражает действительную связь правопорядка с отношениями сторон. Более того, указанное решение открывает обширное пространство для злоупотреблений сторон в отношении третьих лиц, так как им достаточно обеспечить свое нахождение в конкретной юрисдикции для применения положений ее правопорядка, которые позволяют сторонам получить необходимые правовые преимущества.

Подход к регулированию международных сделок, предполагающий смещение фокуса внимания с момента трансфера права собственности на вопросы момента исполнения обязательства сторон и перехода риска, в ряде случаев может быть эффективным регулятором отношений сторон в международных сделках, связанных с трансфером права собственности на движимые вещи. Вместе с тем перечень ситуаций, в которых описанное решение показывает целесообразность своего использования, существенным образом ограничен. Указанное решение не имеет какого-либо эффекта в отношении третьих лиц, а потому проблематика, возникающая относительно защиты движимой вещи от обращения на нее взыскания ими, сохраняется. Регулирование посредством момента перехода риска не защищает стороны также и в том случае, если одна из сторон осознанно пошла на недобросовестные действия.

Таким образом, ни коллизионная привязка *lex rei sitae*, ни один из рассмотренных в настоящей статье способов регулирования международных сделок, в ходе осуществления которых происходит передача права собственности на движимые вещи, не позволяет создать комплексного и эффективного регулирования рассматриваемой проблематики. Следовательно, фокус внимания исследователей следует сосредоточить на поиске альтернативных вариантов. Одним из таких вариантов может стать обширное внедрение положений, позволяющих сторонам своим соглашением определять правопорядок, регулирующий момент возникновения права собственности на движимую вещь. Вместе с тем автономия воли в вопросах трансфера вещных прав представляет собой крайне сложный инструмент, внедрение которого требует скоординированных усилий юридической доктрины, законодателя и участников коммерческого оборота.

Список источников

1. Асоксов А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с. EDN: SDTYBТ
2. Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / Пер. с англ. Ю. М. Юматшева. М.: Норма, 2022. 136 с.
3. Вольф М. Международное частное право. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 702 с.
4. Годунов В. Н. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования / В. Н. Годунов, М. В. Мещанова // Частное право в странах бывшего СССР: итоги

- 30-летия: сборник статей / Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ; под ред. Л. Ю. Михеевой. М.: Статут, 2022. С. 152–190.
5. Дождев Д. В. Возложение риска на покупателя в классической купле-продаже // О собственности: сборник статей к юбилею К. И. Скловского / Сост. М. А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 103–161.
 6. Кнельц А. М. Синаллагма в договоре // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников РШЧП при ИЦЧП имени С. С. Алексеева при Президенте РФ: в 3 т. / сост. и отв. ред. А. В. Егоров и А. А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 187–229.
 7. Любарская Т. С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2020. 214 с. EDN: NSLNAA
 8. Международное частное право. Сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. В. Плеханов. М.: Статут, 2021. 1112 с.
 9. Плеханов В. В. Переход права собственности по договору международной купли-продажи товаров: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2008. 185 с. EDN: NQINV
 10. Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права // Вещные права: система, содержание, приобретение: сб. науч. тр. в честь проф. Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М.: Статут, 2008. 464 с.
 11. Церковников М. А. Приобретение права собственности на движимые вещи посредством соглашения: французский и российский опыт // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 102–141.
 12. Baxter I. F. G. Conflicts of Law and Property. McGill Law Journal. 1964. Vol. 10. No. 1. Pp. 1–37.
 13. Symeonides S. Choice of law. [Electronic edition]. New York: Oxford University Press, 2016. 785 p.
 14. Van der Weide J. Party Autonomy in Dutch International Property Law // Party Autonomy in International Property Law / Westrik R., Van der Weide J. (ed.). Munich: European law publishers GmbH, 2011. Pp. 41–58.

Об авторе:

Олейников Михаил Антонович, аспирант департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); e-mail: maoleynokov@hse.ru

References

1. Asoskov, A. V. (2012) Conflict regulation of contractual obligations. *M-Logos* (In Russ.)
2. Bazelow, J. (2022) Party autonomy in the regulation of international relations. *Norma*.
3. Vol'f, M. (1948) Private International Law. Moscow, State Publishing House of Foreign Literature. (In Russ.)
4. Godunov, V. N., Meshchanova, M. V. (2022) Private law of the Republic of Belarus: the history of formation, development and prospects for improvement. In: Mikheeva L. Y. (eds.) Private law in the countries of the former USSR: the results of the 30th anniversary: collection of articles / Research Center of Private Law named after S. S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow, Statute. Pp. 152–190. (In Russ.)
5. Dozhdev, D. V. (2015) Assigning risk to the buyer in a classic sale and purchase. In: About property: A collection of articles for the anniversary of K. I. Sklovsky. Moscow, Statute, pp. 103–161. (In Russ.)
6. Knel'c, A. M. (2018) Synallagma in the contract. In: Egorov A. V., Novitskaya A. A. (eds.) Contracts and obligations: Collection of works by graduates of the RSHP at the S. S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation: in 2 volumes. Vol. 1: General part. Moscow, S. S. Alekseev Research and Development Center under the President of the Russian Federation (In Russ.)
7. Lyubarskaya, T. S. (2020) Autonomy of the will in determining the statute of real property in private international law: dissertation of PhD in law. Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Faculty of Law (In Russ.)

8. Private international law. Collection of national codifications (2021) // V. V. Plekhanov (ed.). *Statut* (In Russ.)
9. Plekhanov, V. V. (2008) Transfer of ownership under the contract of international sale of goods: dissertation of PhD in law. *Moscow State Law Academy* (In Russ.)
10. Sakkо, R. (2008) Transfer of ownership of movable property in the light of comparative law. In: Tuzov D. O. (eds.) Real rights: system, content, acquisition: collection of scientific tr. in honor of prof. B. L. Haskelberg. *Statute* (In Russ.)
11. Tserkovnikov, M. A. (2009) Acquisition of ownership of movable property through an agreement: French and Russian experience. *Bulletin of Civil Law*. No. 3. Pp. 102–141. (In Russ.)
12. Baxter, I. F. G. (1964) Conflicts of Law and Property. *McGill Law Journal*. Vol. 10, No. 1. Pp. 1–37.
13. Symeonides, S. (2016) Choice of law. *Oxford University Press*.
14. Van der Weide, J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. In: Westrik R., Van der Weide J. (eds.). Party Autonomy in International Property Law. *Munich, European law publishers GmbH*. Pp. 41–58.

About the author:

Mikhail A. Oleynikov, graduate student of the School of Legal Regulation of Business of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); e-mail: maoleynokov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.